

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.10)
EDN SKYFCB
УДК 316.2

С. А. Федорова^{1*}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ АНАЛИТИКА ЭМПИРИЧЕСКИХ ОНТОЛОГИЙ А. Н. УАЙТХЕДА И Б. ЛАТУРА

Аннотация. В статье определяются и проблематизируются зоны влияния философии процесса А. Н. Уайтхеда на акторно-сетевую теорию и философию модусов существования Б. Латура. Аналитические процедуры реализуются в эмпирическом поле и затрагивают такие важные темы, как изменение направления вектора исследований от бытия к становлению, определение структуры эмпирического опыта, понимание процессуальности события, определение зон переходов между событиями и др. Исследование проводится последовательно на двух уровнях: уровне событийности и уровне ценностных траекторий. В качестве рабочей гипотезы выдвигается следующий тезис: два вида становления у Уайтхеда – «сращение» и «переход» – соотносимы с понятиями актор-сеть и траекториями модусов существования Латура. Кроме этого выявляются регионы концептуальных различий двух эмпирических онтологий. Главным из них признается отсутствие в акторно-сетевой теории потенциальной области вечных объектов. Устранение Латуром вечных объектов, имеющих первостепенное значение в философии Уайтхеда, выводит его онтологический проект на уровень актуальной событийности и ставит перед необходимостью поиска средств, обеспечивающих сетям повторяемость, устойчивость и стабильность. Обращение к позднему проекту Латура – философии модусов существования – показывает, что область потенциального, выведенная за рамки акторно-сетевой теории, появляется в его новом метафизическом проекте. По мнению автора настоящей статьи, – это ценностные модальные траектории. В завершение высказывается предположение о том, что ценностные модальные траектории могут быть сопоставлены с категорией виртуального в философии Ж. Делёза.

Ключевые слова: эмпирическая онтология, философия процесса, акторно-сетевая теория, философия модусов существования

Для цитирования: Федорова С. А. Сравнительная аналитика эмпирических онтологий А. Н. Уайтхеда и Б. Латура // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 150–169. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.10). EDN SKYFCB.

Введение. Область эмпирических онтологий, обращение к которой провозглашается Латуром в его главных проектах ANT¹ и AIME², представляет собой скорее попытку нащупать новые пути подступа к проблемам акторов, способам их существования и взаимоотношений, нежели глубоко продуманную и чётко проработанную метафизику. Этим отчасти объясняется концентрированное включение им в собственные исследования онтологических схем других авторов, которые он активно применяет для достижения тех или иных своих науч-

* Научный руководитель – Дмитрий Владиславович Иванов, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). SPIN-код РИНЦ: 2100-1110.

¹ Actor-network theory (ANT) или акторно-сетевая теория (ACT).

² An Inquiry Into Modes of Existence (AIME) или философия модусов существования.

© © Федорова С. А., 2024

ных целей. Латуру необходимо уверенно обосновать в эмпирическом поле, именно поэтому он ищет значимые философские фигуры, которые работают в том же онтологическом регистре, что и он. Так он приобретает мощных союзников и укрепляет свой проект. В разное время и в разных текстах Латур обращается к таким именам как Г. Тард, У. Джеймс, А. Н. Уайтхед, Ж. Делёз и др. Полагаем, что успех аналитики эмпирических проектов самого Латура во многом будет зависеть от прояснения основных идей и концептов тех философских работ, на которые он опирается в ходе разработки своей методологии. В данной статье нас будут интересовать интенсивные точки вхождения в исследования Латура философских идей и концептов создателя философии процесса А. Н. Уайтхеда. Философия Уайтхеда выступит в качестве того проекта, который будет проанализирован с точки зрения его влияния на эмпирическую онтологию Латура. Для этого будет предпринят сравнительный анализ двух эмпирических философий.

Актуальность проведённого сравнительного анализа объясняется, *во-первых*, открывающейся возможностью прослеживания генезиса тех концептуальных преобразований эмпирической социологии Латура, которые произошли в момент его столкновения с философией Уайтхеда. Заимствуя из философии процесса отдельные категории и онтологические схемы, Латур использует их теоретический потенциал для трансформации собственных идей. *Во-вторых*, подробная аналитика основополагающих категорий Уайтхеда, взятая в динамике их последующей трансформации в латуровских текстах, делает осуществимым более глубокое различение изменений, которые происходят в самом эмпирическом поле, являющимся общим для обоих философов. *В-третьих*, появляется перспектива прогнозирования направления векторов, по которым с некоторой долей вероятности будут происходить дальнейшие изменения эмпирического поля и его концептуальных структур. Все это, на наш взгляд, позволяет выявить значимость творчества Латура для современной социологической теории и философии, а также обосновать необходимость более глубокого дальнейшего анализа его ключевых идей. Сразу оговоримся, что настоящее исследование не ставит перед собой задачу реализации всех перечисленных возможностей и перспектив, но только задаёт их в качестве предполагаемого теоретического горизонта.

Проблема влияния философских идей А. Н. Уайтхеда на социологию Б. Латура затрагивается как отечественными, так и зарубежными учёными. О. Е. Столярова в своей статье «Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и её конструктивистская интерпретация» [1] анализирует онтологический срез означенной проблемы. Автор полагает, что одной из причин активного обращения Латура к философскому наследию Уайтхеда является его возросшее внимание к «объектности», «вещам», «нечеловекам». Основные положения философии процесса, касающиеся переосмысления онтологического статуса объекта и субъекта, по мнению автора, совпадают с теоретическими задачами самого Латура, стремящегося совместить «реальность» и «конструкцию».

Теоретическая работа Н. А. Волковой [2], посвящённая поиску путей возвращения модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму», также отчасти касается вопросов концептуальных влияний философии процесса на эмпирические проекты Латура. В частности, предлагая свою оригинальную модель эмпирической радикализации АИМЕ и выдвигая идею о возможном замещении понятия препозиции понятием аффорданса, автор обращается к концептам

«сращения» и «перехода», разработанным Уайтхедом в книге «Процесс и реальность», перенесённым и задействованным Латуром в его эмпирической метафизике.

С. С. Астахов [3] касается темы концептуальных влияний на Латура идей Уайтхеда в связи с анализом причин изменения категориального аппарата акторно-сетевой теории, произошедшего после 1999 года. Начиная с этого времени из ANT исчезает понятие актанта и появляется заместившая его категория пропозиции, перенятая у Уайтхеда.

Одним из влиятельнейших зарубежных философов-исследователей творчества Латура на сегодняшний день, безусловно, является Г. Харман, представитель объектно-ориентированной онтологии. В своей работе «Принц сетей» [4] философ уделяет значительное внимание описанию сходства центральных понятий двух эмпирических онтологий – Уайтхеда и Латура. Изучение сущности актуальных событий и акторов, анализ природы их взаимодействий позволяют Харману определить обе онтологии как окказионалистские: только в случае с Уайтхедом – это обновлённый окказионализм, а в случае с Латуром – окказионализм «светский».

Перейдём к сравнительному анализу. Для начала зададим то общее проблемное поле, в котором станет возможным прочертить концептуальные линии, по которым будет разворачиваться сравнительная аналитика всей сложной структуры эмпирического опыта двух философских проектов. Полагаем, что в качестве такого проблемного поля должна выступить сама зона эмпирических онтологий. Для удобства анализа исследование будет разбито на две части. В первой мы обратимся к зоне событийности и рассмотрим процесс становления события. В эмпирической социологии Латура эта концептуальная зона соответствует уровню ANT. Вторая часть будет посвящена аналитике процессуальных зон связи или переходов между событиями. У Латура эти процессы исследуются в работе AIME.

Уровень событийности. Точки влияния философии процесса Уайтхеда на эмпирический проект Латура выявляются уже в самом начале, на этапе определения принципов построения метафизических проектов. Речь идёт об устранении понятия субстанции и внимании к процессам становления. На место субстанции заступает процесс, а фокус философского интереса смещается на событие, процессы событийных трансформаций и взаимоотношений.

5 февраля 2008 года в Лондонской школе экономики и политических наук состоялся симпозиум «The Harman Review: эмпирическая метафизика Бруно Латура» [5], на котором главным предметом обсуждения стала рукопись американского философа Грэма Хармана «Принц сетей» [4], посвящённая вкладу Латура в философию. В ходе дебатов были затронуты вопросы, которые напрямую касались понимания Латуром природы эмпирического опыта. Нас будет интересовать дискуссия, развернувшаяся между двумя философами – Харманом и Латуром – вокруг определения природы отдельных объектов или событий, а также возможности их взаимодействия и изменения.

Анализируя объекты, или акторы, Латура, Харман обращает внимание на их сущностное сходство с актуальными событиями или актуальными сущностями в философии Уайтхеда. Как и актуальные сущности, акторы предельно конкретны. Они не существуют от момента к моменту, каждое последующее мгновение даёт изменившуюся сущность и перед нами уже совершенно иное

«действующее лицо». И для Уайтхеда, и для Латура до становления события времени и пространства не существует, они производятся самими акторами. Время — это результирующая процесса становления, а не его причина. Для иллюстрации этого положения Харман обращается к примеру Латура с теоремой Ферма, которая на протяжении многих веков не имела решения, но как только решение появилось, сразу произошло что-то необратимое — время создалось.

Каждое конкретное событие таково, каково оно есть вместе со всеми своими отношениями и качествами и не содержит в себе ничего в потенции. Основные вопросы, которые Харман адресует Латуру в связи с этим утверждением, — это вопрос, касающийся возможности изменения событий, и вопрос о взаимодействии акторов. Кроме того, Харман, опираясь на свою объектно-ориентированную философию, говорит о том, что в объекте всегда есть нечто устойчивое, что никак не зависит от вариации его качеств и отношений с другими объектами. Это устойчивое Харман иногда называет ядром вещей. Сравнивая в связи с этим заявление философию Латура и Уайтхеда, Харман отмечает, что и в философии процесса, и в акторно-сетевой теории вещь полностью исчерпывается своими отношениями, теряя при этом свою сингулярность.

На последнюю реплику Хармана по поводу первичности отношений Латур отвечает удивлением, заявляя, что для него, напротив, каждое событие/актор является сингулярностью, что каждая индивидуальность атомарна по своей природе. И именно по причине несводимости каждой конкретной сущности друг к другу становятся возможными переводы или медиации, а о самом исследовании можно говорить как об эмпирическом прослеживании изменяющихся деталей опыта.

Проблема изменения вещей проясняется посредством процедуры «перевода».

Вопрос о взаимодействии акторов Латур переводит в поле модусов существования, заявляя, что проблема не в том, как объекты вступают в отношения, а в том, что самих способов этих отношений может быть много, и важно заняться этим вопросом. Т.е. важно выявить, сколько способов есть у сущностей, чтобы удерживать себя в существовании, и сколько существует типов их связи друг с другом? Эти вопросы будут рассматриваться ниже, когда мы перейдём на уровень модальной логики траекторий или логики модусов существования. Сейчас же мы находимся на уровне акторно-сетевой теории, где проблема вариативности событийной связи ещё не ставится Латуром. А потому речь пока идёт только о проблеме сетевой циркуляции сущностей, аналитике ассоциаций, описании процессов модификации сетевых событийных связей и т.п.

Прежде чем перейти к аналитике событийности в философии процесса Уайтхеда, скажем ещё буквально несколько слов о понимании Латуром природы акторов. Для этого обратимся к его тексту 2005 года «Пересборка социального» [6]. В этом тексте Латур подробно исследует природу социального, понимая его как циркулирующий поток, становящиеся ассоциации, процесс трансформации связей в нестабильных и подвижных системах координат и др. В зоне категориальной проблематизации оказываются гетерогенные акторы, которые рассматриваются как молекулярные силовые скопления, неоднородные множественности, подвижные альянсы и др. Означенные множественности имеют различную природу и обладают сложной структурной организацией.

Обратимся теперь к пониманию событийности в эмпирической метафизике Уайтхеда. В своей работе «Наука и современный мир» (1925) [7] Уайтхед, описывая сущность процесса прогрессивного осуществления природных событий,

вводит понятие «охватывающей унификации» [7, с. 127]. В соответствии с этим понятием, природа определяется им как «...процесс экспансивного развития, с необходимостью переходящего от одного охватывания к другому» [7, с. 130]. Позже, в этой же работе, подробно рассмотрев означенный процесс и проанализировав его структурные составляющие, он отказывается от данного понятия, поставив на его место явление, событие, вещь.

Для прояснения концепции прогрессивного осуществления природных событий Уайтхед проводит аналогию с понятиями субстанции и модусов Спинозы. В основе каждой актуализации, по Уайтхеду, лежит вечная энергия, индивидуализирующаяся в событиях и эволюционирующая в процессе их становления. Эта энергия именуется им как «вечная основополагающая активность» или «субстанциальная активность». В той же работе «Наука и современный мир», в главе «Бог», Уайтхед даёт следующее определение основополагающей активности: «Это общая метафизическая определённая, она лежит в основе всех явлений, в специфическом модусе для каждого явления. Нет ничего, с чем можно было бы сравнить её; она напоминает бесконечную субстанцию Спинозы. Её атрибутами являются способность к индивидуализации во множестве модусов и область вечных объектов, синтезирующихся различными способами в этих модусах. Таким образом, вечная возможность и модальная дифференциация в индивидуальном многообразии являются атрибутами одной субстанции. Фактически каждый общий элемент метафизической ситуации является атрибутом этой субстанциальной деятельности» [7, с. 239]. Иными словами, каждое событие можно рассматривать как некое положение дел, получающее свою актуализацию в процессе индивидуализирующейся субстанциальной активности. Рассматривая основополагающую активность вне процесса актуализации, Уайтхед представляет её в виде трех образов: вечных объектов, возможных ценностей, взятых в виде синтетической области вечных объектов, а также фактов действительности, реализация которых предполагается в событии в будущем. «Итак, — по словам Уайтхеда, — исходным конкретным фактом является прогрессивное развитие природы. Первичный анализ разделил его на лежащую в основании активность охватывания и осуществлённые охватываемые события» [7, с. 127–128].

В книге «Процесс и реальность» (1929) [8]³, развивая далее свою эмпирическую метафизику, Уайтхед разрабатывает подробную систему категорий, углубляющую понимание механизмов актуализации природных событий. Здесь он обращается к философии Локка [7, с. 296], в которой его интересуют два вида становления в природе: «сращение» — внутреннее конституирование актуальной сущности, характеризующееся атомарностью и дискретностью; и «переход» — движение от одного актуально сущего к другому, характеризующееся непрерывностью. Эти два вида становления, по Уайтхеду, позволяют описывать изменяющийся мир. Сам философ определяет эти процессы как макроскопический и микроскопический, где первый понимается как «переход», а второй — как «сращение». Уайтхед пишет, что «...каждая актуальная сущность сама по себе может быть описана только как органический процесс. Она повторяет в микрокосме то, чем в макрокосме является вселенная» [7, с. 303]. В качестве предварительной гипотезы предположим, что в ходе анализа двух видов станов-

³ Далее мы будем ссылаться на исправленное издание этой книги (N.Y., 1978), под редакцией D. Griffin & D. Sherburne; а также на перевод двух глав, опубликованных в книге: Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990.

ления станет возможным соотносить процесс «сращения» с понятием актор-сеть в акторно-сетевой теории Латура, а процесс «перехода», или перемещения между событиями, с траекториями модусов существования.

Пока же продолжим аналитику категории «события», обратившись к процессу внутреннего становления актуальных сущностей или процессу «сращения» многообразного в единое. Для этого рассмотрим структуру эмпирического опыта. Описывая данную структуру в своей работе «Приключение идей» (1933) [7], Уайтхед говорит о субъект-объектной конструкции отношений. Однако в философии процесса субъект-объектная конструкция реализуется особым образом. Становление действительного происшествия или события включает в себя два полюса: полюс субъективного «беспокойства» об объекте, благодаря которому происходит вхождение объекта в субъективный опыт; и объективный полюс, представляющий собой «данность» вещи, и вызывающий особую активность в субъекте. Эта особая активность называется у Уайтхеда схватыванием (*prehensions*). «Оно (*схватывание* – курсив СФ), – пишет Уайтхед, – включает в себя три фактора: событие опыта, в рамках которого схватывание является элементом активности; данное, чья значимость стимулирует схватывание; это данное есть схваченный объект; наконец, субъективная форма, представляющая собой эмоциональную окраску, детерминирующую эффективность схватывания в данном событии опыта. Как образуется сам опыт, зависит от комплекса его субъективных форм» [7, с. 576–577]. В становлении индивидуальных событий опыта или актуальных сущностей принимают участие объекты, да и сами события опыта, как говорит Уайтхед, являются объектами для других событий. Однако как факт самореализации или как особый индивидуальный опыт, включающий в себя объективно данное, событие представляет собой субъективное эмоциональное единство. Следует особо отметить, что это субъективное единство или субъективность, формируется в процессе каждого схватывания. До акта схватывания субъективность ещё не оформлена, её становление происходит и завершается лишь в самом схватывающем процессе, является его результатом. Можно сказать, что объективная данность создаёт и структурирует субъективность.

Что же происходит на втором, объективном, полюсе становления индивидуального опыта? Метафизика Уайтхеда задаёт особую перспективу для постижения актуальных событий через их соотносённость с потенциальной областью чувственных объектов. Эта потенциальная область представляет собой комплекс отношений, реализующийся в актуальных событиях. Уайтхед говорит, что для того, чтобы некая объективная сущность или вещь стала «данной» или «вошла» в процесс становления конкретного индивидуального опыта, она должна этому опыту предшествовать. Иными словами объекты или вещи должны быть данными до всякого опыта. Именно в таком виде осуществляется «вхождение» чувственных объектов в сложный процесс чувственного восприятия или актуализация потенциальности. Направление вектора схватывания идёт от объективной данности к формированию субъективности.

Модальная актуализация или, как говорит Уайтхед, локализация чувственных объектов, вводит нас в пространственно-временное поле событийности. Самостоятельное рассмотрение абстрактной области чувственных объектов позволяет пренебречь пространственно-временным континуумом. Но процесс индивидуализации приводит к тому, что действительный ход событий, выражающийся в терминах пространственно-временных отношений, накладывает определённые

ограничения на эту абстрактную область. Каждое актуальное событие ограничивает потенциальность, т.к. представляет собой актуализацию лишь ограниченного числа возможных аспектов или отношений вечных объектов. Вне этого ограничения любая возможность «...охватывает пространственно-временной континуум в каждой альтернативной пространственной ситуации и во всех альтернативных временах» [7, с. 223].

Описание сложного процесса осуществления события, его актуализации как осуществляющейся целостности немислимо без обращения к ценностной составляющей. Ценность — это то, что входит в структуру события как его ограничение, создающее вот этот конкретный действительный факт или внутреннюю реальность события. Этот факт предстаёт как результат вариативного выбора, происходящий в потенциальной области вечных объектов, и реализующийся в данной конкретной форме. Устойчивость, которую приобретает событие посредством осуществляющейся в нем ценности, позволяет событию оказывать влияние на трансформацию окружающей среды [7, с. 180–181]. Вне такой реализации в действительности мы можем говорить только о ценностных идеалах, присущих вневременным вечным объектам, но не имеющих реального воплощения в действительности. Вечные объекты сами по себе не наделяются ценностным смыслом. Только их модальная актуализация в действительном здесь и теперь задаёт ценностный регистр. Каждый индивидуальный факт не существует изолированно, но вмещает в себя всю событийную совокупность вселенной.

Заключительный этап в становлении актуальной сущности определяется Уайтхедом как стадия «удовлетворения» или «сатисфакции». На этом этапе происходит объективация актуальной сущности и создание условий для её вхождения в другие схватывания.

Добавим несколько слов о пространственно-временном континууме. Как мы видели, в процессе становления индивидуальной сущности происходит вхождение вневременных вечных объектов в пространственно-временное поле событийности. Выше уже отмечалось, что пространственно-временные отношения не даются до начала процесса становления. По словам Уайтхеда, они представляют собой «общую схему взаимосцепленных отношений» [7, с. 130] между событиями, становящуюся в самом процессе событийной актуализации. Каждое действительное происшествие включено в целостную событийную всеобщность вселенной как его неисключаемая часть, обладающая той же степенью реальности, что и вся эта целостность. Ж. Делёз в своей работе «Складка. Лейбниц и барокко» [9], анализируя философию процесса, обращается к сравнению двух пространственно-временных миров – Лейбница и Уайтхеда. Относительно философии Лейбница он говорит, что все его монады выражают один и тот же мир, который реализовался в действительности и получил принцип своей организации от Бога (подробнее см. [10]). В этом мире невозможно одновременное сосуществование невозможных друг другу событий. «У Лейбница, – пишет Делёз, – как мы видели – бифуркации, дивергенции серий – это настоящие границы между невозможными друг другу мирами, так что существующие монады интегральным образом включают в себя возможный мир, доводя его до существования» [9, с. 142]. По иному разворачивается ситуация у Уайтхеда: «Для Уайтхеда же (как и для многих современных философов) бифуркации, дивергенции, невозможности, несогласованности, наоборот, принадлежат к одному и тому же “пёстрому” миру, который уже не может быть включённым

в *экспрессивные единства*, но может только твориться или разрушаться сообразно схватывающим единствам и изменчивым конфигурациям или меняющимся «захватам» [9, с. 142]. Говоря иначе, в эмпирической онтологии Уайтхеда возможно одновременное сосуществование невозможных событий, к примеру, согрешившего и не согрешившего Адама. Можно сказать, что это уже не множество точек зрения на один единственный мир, но множество самих миров или способов бытия сущностей.

Пропозиция. Для дальнейшего анализа влияния эмпирической онтологии Уайтхеда на понимание событийности в проекте Латура необходимо переместить фокус нашего внимания на категорию «пропозиции». В 1999 году в работе «Надежда Пандоры» [11] Латур вводит в эмпирическое поле акторно-сетевой теории эту новую категорию, перенятую им у Уайтхеда, и начинает использовать её вместо термина актор-сеть. Исключение составляет только текст 2005 года «Пересборка социального», где концепт актор-сеть появляется вновь. Такое категориальное обновление объясняется более радикальным подходом Латура к проблеме корреляционизма бытия и сознания.

Здесь мы изменим логику нашего анализа, обратившись сначала к пониманию природы «пропозиции» в эмпирической метафизике Уайтхеда, а затем в акторно-сетевом проекте Латура.

Наиболее полную дефиницию понятия «пропозиции» Уайтхед даёт в работе «Процесс и реальность» [12]. Разъясняя значение категорий объяснения, он следующим образом определяет пропозицию: «Пропозиция (proposition) есть единство некоторых актуальных сущностей, обладающих способностью к формированию соединения с его возможной взаимосвязанностью, частично определяемой некоторыми вечными объектами, едиными в одном составном вечном объекте. Вовлечённые актуальные сущности называются “логическими субъектами”, сложный вечный объект есть “предикат”» [12, с. 24]. Данное определение пропозиции включает в себя две составляющие: вечные объекты и актуальные сущности. Из анализа структуры эмпирического опыта Уайтхеда мы знаем, что вечные объекты принадлежат к области чистой возможности, что делает их как бы «вынесенными» или отделёнными от мира актуализирующихся сущностей или действительных происшествий. Под категорию актуальных сущностей подпадают все реальные вещи, из которых состоит мир. Сами пропозиции, по словам Уайтхеда, «...не являются ни чистыми потенциальностями, ни чистыми фактами; они способ потенциальной связи, включающий и чистые потенциальности, и чистые реальности» [12, с. 188]. Иначе, пропозиции — это возможность воплощения в опыте некой абстрактной связи актуальных событий и вечного объекта, где вечный объект берётся в момент его реализации или вхождения в актуальное событие. Т.к. пропозициональная ситуация разворачивается на уровне процесса актуализации, Уайтхед говорит, что пропозиции существуют всегда только в опыте [7, с. 647]. В другом месте Уайтхед пишет: «Пропозиция не имеет ни особенности чувства, ни реальности связи. Она находится в исходной точке чувства и ожидает субъекта, который её почувствует. Её релевантность реальному миру посредством своих логических субъектов делает её соблазном для чувств. На самом деле многие субъекты могут ощущать её разными чувствами и с разнообразными чувствами» [12, с. 259]. Имеется в виду соотносённость пропозиции с той или иной субъективной формой. Существует вариативность субъективных форм, которые схватывают пропозиции. Уайтхед

называет это явление «полутеневым комплексом альтернатив». Суть в том, что одна и та же пропозиция может актуализироваться или схватываться различающимися сущностями, имеющими разные актуальные миры. Поэтому, несмотря на то, что состав пропозиции в таких случаях остаётся неизменным, мы все же говорим о различающихся пропозициях. Если в актуальном мире реальной сущности, схватывающей данную пропозицию, нет тех логических субъектов, которые эта пропозиция содержит, то пропозиция не будет существовать для этой конкретной реальной сущности.

Причастность пропозиции к реальным фактам или актуальным событиям позволяет Уайтхеду определить её как нечистую возможность, в отличие от вечных объектов, принадлежащих области чистой возможности. И в природе вечных объектов, и в природе пропозиций заложена неопределённость. Эта неопределённость выражается в непредсказуемости, в каких именно актуальных событиях они воплотятся. Отличием вечных объектов в данной ситуации является то, что их область может быть рассмотрена и проанализирована отдельно от процесса актуализации.

Обратимся теперь к эмпирическому проекту Латура. Как было сказано выше, термин пропозиция впервые вводится Латуром в акторно-сетевую теорию и получает концептуальную разработку в тексте «Надежда Пандоры» (1999). Поэтому в целях аналитики означенной категории логично будет использовать именно этот текст. Сразу уточним, что мы не будем останавливаться на детальном анализе причин такого обновления категориального аппарата ANT. Этот вопрос подробно рассматривается в диссертации С. С. Астахова «Проблема контингентности в акторно-сетевой теории» [3, с. 41]. Нас будет интересовать, как изменяется природа пропозиции при переводе её из поля эмпирической онтологии Уайтхеда в поле акторно-сетевой теории Латура.

В отличие от философии процесса, где пропозиция представляет собой способ потенциальной связи, хотя и происходящий только в опыте; в эмпирическом проекте Латура пропозиция — это становящаяся актуальная связь. Что же связывает пропозиция и с чем она имеет дело? Прежде всего, пропозиция обращается к актуальной событийности, а точнее, к проблеме событийной связи в условиях отсутствия Бога. Эта связь, или связывание, актуализируется на уровне внутреннего становления события или, используя язык философии процесса Уайтхеда, на уровне процесса «сращения» актуальной сущности. Кстати, и сам Латур в тексте «Надежда Пандоры», исследуя историчность своих акторов или историчность пропозиций, обращается к термину Уайтхеда «сращение». Под «сращением» он, как и Уайтхед, понимает изменение всех компонентов или обстоятельств события, приводящее в итоге к его уникальности и неповторимости. Латур говорит, что каждое событие или, актор, представляют собой пропозицию. В качестве примеров пропозиций приводятся Пастер, молочная кислота, фермент, лаборатория. Пропозиция преодолевает разрыв между природным и языковым миром, переводя все сущности в единую плоскость эмпирической онтологии. Латур даёт следующее определение категории пропозиции: «Они (*пропозиции* – курсив С.Ф.) не положения, вещи, субстанции или сущности, относящиеся к природе*, состоящей из немых объектов, обращённых к говорящему уму, но возможности, предоставленные различным сущностям для вступления в контакт. Эти возможности взаимодействия позволяют сущностям изменять свои определения в ходе события — в данном случае в ходе эксперимента» [11, с. 141].

Как мы помним, в философии Уайтхеда завершение процесса становления

или «сращения» актуальной сущности происходило на стадии сатисфакции или удовлетворения. Именно здесь актуальная сущность представляла полностью объективированной в мире для других сущностей, получала индивидуальность и была готова для вхождения в новые событийные альянсы. Процесс объективации происходил по мере вхождения вечных объектов в зоны действительности или актуализации. Очевидно, что в эмпирическом поле акторно-сетевой теории также происходит завершение процесса становления сущности. Однако здесь дело обходится без потенциальной области вечных объектов. Латур решает проблему становления независимой субстанции посредством понятия артикуляции. В терминологическом словаре, составленном к тексту «Надежда Пандоры», он говорит об артикуляции как об онтологическом свойстве вселенной [11, с. 303]. Между пропозициями устанавливаются отношения, называемые «артикуляцией». Сущностной природой пропозиций является их свойство вступать в связи друг с другом, приводящие к их трансформации и обновлению. При этом реализация этих связей исключает необходимость существования человеческого или божественного ума. Артикуляция пропозиций происходит в ходе интенсивной работы по трансформации, уточнению, переопределению изначально невнятной, невыраженной субстанции. Процесс трансформации предполагает включение действующих лиц пропозиции в новые соединения, альянсы, уточнение определений формирующейся сущности, что в итоге и даёт новую сущность. Описывая в работе «Надежда Пандоры» участие Пастера в становлении «молочной закваски», Латур делает явленным процесс становления новой субстанции. Он пишет: «Чем больше работы делает Пастер, тем более независимой становится молочнокислая закваска, поскольку она теперь гораздо лучше артикулирована благодаря искусственной среде лаборатории, пропозиция, которая ни в коей мере не похожа на фермент. Молочнокислая закваска теперь существует как отдельная сущность, потому что она ясно сформулирована столькими людьми, в стольких активных и искусственных условиях» [11, с. 144]. Заявление Латура о том, что в качестве пропозиций могут быть рассмотрены любые акторы, позволило Харману утверждать, что в отсутствие людей множественные пропозиции продолжали бы связываться друг с другом, порождая новые типы акторов. Приведём здесь цитату из его работы «Принц сетей»: «Если бы Пастер и все остальное человечество были уничтожены, на сцене все равно остались бы многочисленные акторы; предположительно, различные материалы продолжали бы бродить в наше отсутствие. ...Могут быть “пропозиции”, связывающие химические вещества с другими химическими веществами и деревянными бочками спустя много времени после того, как великая ядерная катастрофа уничтожит всех людей» [4, с. 83].

В следующем своём проекте «Модусы существования» [13] Латур вводит новое понятие “preposition”, которое будет задавать особые векторы для пропозиционных связей, зависящие от того модального режима, в котором данные пропозиции будут реализовываться.

Подведём итоги анализа влияния философии Уайтхеда на акторно-сетевую теорию Латура в части процесса становления событийности. Мы подробно рассмотрели понятийные области двух эмпирических онтологий: акторно-сетевой теории Латура и философии процесса Уайтхеда. В фокус нашего внимания попали категории: актор-сеть, социальное, взаимодействие и изменение событий, перевод (Латур); а также событие, процесс становления актуальной сущности или «сращение», структура эмпирического опыта, пространственно-временной

континуум, область вечных объектов, субстанциональная активность, пропозиция (Уайтхед). Детальный анализ позволил определить как области пересечения, так и зоны расхождения концептуальных уровней.

Зоны концептуального сходства. Следует сказать, что и эмпирическая философия Уайтхеда, и акторно-сетевая теория Латура исходят в своих изначальных посылках из процесса становления. На место вечной и неизменной субстанции Бога заступает процесс, что приводит к смещению интереса на уровень событийности. Сходны оба автора и в понимании природы событийности. И действительные происшествия Уайтхеда, и акторы Латура характеризуются предельной конкретностью и одномоментностью, а процесс их становления описывается как «сращение» многого в единое. Конституирование пространственно-временного континуума происходит по мере становления событий, что приводит к множественности пространственно-временных миров.

Основные различия выявились на уровне структуры эмпирического опыта. Это, прежде всего потенциальная область вечных или чувственных объектов, которые есть у Уайтхеда и отсутствуют у Латура. Логика разворачивания акторно-сетевой теории Латура предполагает исключение чувственных объектов из эмпирического поля. Не находим мы в ANT и субстанциональной активности, или Бога, лежащего в основании всех действительных событий и вечных объектов и ответственного за процессы изменения и взаимоотношения событий, а также за их обновление или новизну. В ANT мы имеем дело только с уровнем актуальных происшествий, не предполагающим зону потенциального. Однако именно зона потенциального в философии Уайтхеда сообщала событиям устойчивость и повторяемость. Посредством чего же обеспечивается устойчивость, воспроизведение и стабильность событий в сетевой логике Латура? Эту функцию у него берут на себя институты стандартизации, учебные пособия и т.п. Для существования сетей ведётся постоянная работа акторов по поддержанию внутрисетевых связей, соблюдается строгое воспроизведение правил эксперимента, обеспечивается точное перенесение практики из одной локации в другую и многое другое. Всё это требует больших денежных затрат. По сути, из процессуальной области вечных объектов Латур спускается в интенсивные зоны чистой событийности.

Убирая Бога из своей эмпирической онтологии, Латур возлагает всю ответственность за локальные взаимодействия на посредников, в роли которых теперь может выступать любая сущность. В работе «Принц сетей» Харман определяет проект Латура как «светский окказионализм», сущность которого заключается в том, что актанты или локальные посредники приводят в контакт различающиеся сущности, обеспечивая их связь и трансформацию. До Латура привилегия взаимосвязи событий принадлежала либо Богу, либо человеческому сознанию, в котором все вещи уже заранее были связаны в те или иные союзы посредством привычки.

Выделяющейся фигурой в вопросе о возможном взаимодействии вещей, по мнению Хармана, является Уайтхед. Полагая вещи как актуальные сущности, философ говорит о том, что они полностью определяются своими отношениями, которые он называет схватываниями или внутренней реальностью вещи. Уайтхед выделяет два уровня реальности: уровень действительности, представленный актуальными событиями и уровень возможности или потенциальности, представленный вечными объектами. Именно через вечные объекты, которые находятся в Боге, происходит взаимодействие или сообщение вещей. Таким об-

разом, делает вывод Харман, решение Уайтхеда тоже можно обозначить как окказионалистское, хотя, безусловно, и имеющее обновлённый характер.

Уровень траекторий. Концептуальные конstellляции АИМЕ переводят вопрос о влиянии философии Уайтхеда на Латура в подвижные зоны ценностных траекторий, которые обеспечивают процессы становления связей между событиями, а также их трансформацию. Как мы предположили выше, этот уровень, по всей вероятности, близок к тому, что Уайтхед называет процессом «перехода» или перемещения между событиями. Рассмотрим подробнее означенный процесс «перехода», как он понимается Уайтхедом.

Говоря о «переходе», Уайтхед имеет в виду внешние отношения события. Размышляя над тем, каким образом объективированные актуальные сущности, полученные в процессе «сращения», могут выступать конституирующими элементами для новых событий, он говорит о креативности. С креативностью ситуации становления нового события тесно связано понятие «актуального мира» этого события. Речь идёт о том, что ещё до своего «вхождения» в зону актуализирующейся событийности объекты восприятия, или сформировавшиеся актуальные сущности, определённым образом комбинируются, т.е. приобретают внутреннее единство, которое будет отличать именно это событие опыта. В таком виде образовавшаяся комбинация представляет собой актуальный мир, обладающий творческой активностью и реализующийся в становящемся событии опыта. «Никакие две актуальные сущности, – пишет Уайтхед, – не возникают в одинаковом универсуме; хотя различие между двумя универсумами состоит только в некоторых актуальных сущностях, присутствующих только в одном из универсумов, и в производных сущностях, которые каждая актуальная сущность привносит в мир» [12, с. 22–23].

Категория «перехода» открывает возможность движения в сторону аналитики эволюционных процессов в универсуме, а также понимания взаимообусловленности организмов и окружающей среды. Взаимопроникновение или взаимодействие событий в философии процесса становится возможным через посредство вечных объектов. Благодаря модальному вхождению в актуальные события, вечные объекты могут принадлежать в каком-либо из своих аспектов одному событию, и в то же самое время участвовать через этот же или иной аспект в оформлении другого события. Именно через вечные объекты происходит взаимодействие или сообщение вещей. Аспекты чувственных объектов формируют событийную структуру, а также запускают процессы её изменения. С областью вечных объектов связано свойство событий, которое Уайтхед называет устойчивостью. Устойчивость – это повторение структуры события, в которой сохраняется изначальная его целостность с тем же соотношением и следованием частей. Об этом уже шла речь выше, когда мы описывали процесс «сращения». Теперь же добавим, что свойством устойчивости обладает не только внутренняя, конституирующая событие структура отношений (уровень «сращения»), но также и внешняя, выступающая для данного события в качестве его окружения или актуального мира (уровень «перехода»). Таким образом событие встраивается в общий порядок иных событий, которые могут его изменять.

Каждая актуальная сущность, будучи включённой в более глобальную структуру как её часть, содержит в себе аспекты этой общей структуры. Изменения, происходящие на уровне большего структурного образования, транс-

формируют также бытие каждой входящей в него индивидуальной сущности. «Согласно этой теории, эволюция законов природы совпадает с эволюцией устойчивой структуры. Ибо общее состояние универсума, наблюдаемое в настоящий момент, частично определяет каждое состояние сущностей, способ функционирования которых выражают эти законы. Общий принцип состоит в том, что в новой окружающей среде происходит эволюция старых сущностей и переход их в новые формы» [7, с. 167]. Каждое событие имеет свою собственную историю, которая включает в себя предшествующую комбинацию условий внешней среды.

Итак, мы рассмотрели процесс установления связей между событиями, а также сказали о взаимообусловленности организмов и окружающей среды в философии Уайтхеда. Теперь перейдём к проекту модусов существования Латура. Главные вопросы, которые задаются Латуром в связи с его попыткой перехода от теории сетей к концептуальному полю модальных режимов существования, звучат следующим образом: как в условиях отсутствия единой субстанции происходит удержание вещами своего существования, сколько способов существования вещей мы можем обнаружить, сколько существует типов связи между вещами? А также, какова природа ценностных траекторий, которые обеспечивают связь событий внутри модальных логик? Ответы на эти вопросы требуют обращения к описанию проблемных зон эмпирического поля модусов существования.

В ходе эмпирических исследований Латуром и его коллегами было выявлено 15 различных модальных режимов. Все они были протестированы на способы, которыми сущности удерживают себя в существовании, а также на типы связи между разнородными элементами в сериях модальных ассоциаций. По Латуре каждый модус предлагает свои особые способы поддержания бытия. Кроме того, каждый модус устанавливает свои специфические способы определения условий или порядков истинности опыта. Модусы конституированы следующими концептами: траекториями изменений, препозициями, альтерациями, хиатусами, бытием-как-иным, условиями успешности/неуспешности бытия, включающими различие между истинным и ложным; категориальными ошибками, ценностями, институтами. Перечисленные понятия, по утверждению Латура, также были обнаружены эмпирическим путём и изменялись в зависимости от модальности.

Все модусы характеризуются особыми циркуляциями, именуемыми траекториями изменений. В ANT Латура мы уже имели дело с циркуляциями. Однако там речь шла о сетях, представляющих собой трансформирующиеся серии разнородных элементов или ситуаций, в которых актанты связывались друг с другом посредством процедуры, получившей название перевода. Именно перевод осуществлял транспортировку трансформаций в той или иной сети. Однако в ходе многочисленных исследований различных ассоциаций были обнаружены пределы или ограничения сетевого анализа. Выяснилось, что с помощью анализа сетей можно обнаружить множество нетривиальных серий ассоциаций в любой области эмпирического опыта, но невозможно выявить уникальность и разнообразие способов изменения этих ассоциаций, способов связей характерных для их элементов, множественность онтологических режимов разворачивания эмпирического опыта. Сеть обнаруживала изменения, но ничего не говорила об их специфике. Кроме того, сетевые процессы оказались закрытыми и стандартизованными.

В работе «Исследование модусов существования» [13] Латур рассматривает сеть как один из модусов среди прочих. Теперь он проводит различие между типами циркулирующих в сети ценностей, задающих особые типы связей, и разнообразием ассоциаций, собирающих сети. В АИМЕ циркуляции или модальные траектории, приобретают ценностный аспект и становятся ответственными за установление особых специфических связей или переходов между событиями, что сообщает неповторимость каждому модальному режиму и позволяет говорить о множественных онтологиях. Ценностные циркуляции определяют тип связей, характерный для траекторий того или иного модуса; принципы суждений, позволяющие решать вопрос об истине внутри модуса; а также задают траекториям непрерывность. Любая ситуация или событие получают своё значение в зависимости от того способа связей, который задан ценностными циркуляциями в конкретном модусе. Поэтому одна и та же ситуация может быть понята по-разному в разных модальных режимах.

Резюмируя сказанное, Латур говорит о возможности понимания любой ситуации с помощью двух типов данных: «...во-первых, очень общих данных типа (NET), которые не говорят нам ничего, кроме того, что мы должны пройти через неожиданные ассоциации; и, во-вторых, что в каждом случае мы должны добавлять что-то к этим данным, что позволит нам определить качество рассматриваемой деятельности. Первый тип данных позволит исследовать необычайное разнообразие ассоциаций, определяющих приключения современников; второй – разнообразие ценностей, которые они, кажется, лелеют. Первый список не определён, как и объекты, которые могут быть связаны в сети; второй конечен, как и ценности, которые современники научились защищать» [13, с. 42]. Прочтение ситуации в сетевом срезе становится возможным благодаря тому, что все модальные траектории циркулируют по законам логики сетей. Здесь по-прежнему сохраняется различие между тем *что* циркулирует и сплетением гетерогенных элементов, делающих эту циркуляцию возможной. Ценностные циркуляции также как и сети имеют скачки, прерывания, разрывы. Однако, в отличие от сетей, они приводят не столько к возникновению разнородных списков коллективов, сколько к определённому типу непрерывности, создаваемому, к примеру, юридическими средствами/процедурами в праве или доказательствами существования явления – в науке. Режим ценностных циркуляций позволяет выявить что-то такое в каждой модальности, что характеризует её и что сохраняется, несмотря на все происходящие преобразования.

Обратимся к анализу конкретных режимов ценностных циркуляций, что позволит нам приблизиться к пониманию эмпирической природы множественных бытийных модальностей. Выберем для анализа четыре модуса: модус препозиции (PRE), модус привычки (HAB), модус организации (ORG) и модус права (LAW). Начнём с модуса организации (ORG).

Латур приступает к аналитике данного модуса (ORG) после того, как сталкивается с тремя разрывами в определении понятия института Экономики, которое дают информанты [13, с. 386–388]. Бессвязность, которая обнаруживается в определениях информантов, позволяет Латуру предположить, что речь здесь идёт о трех различающихся модальных логиках: интереса или привязанности (ATT), организации (ORG) и морали (MOR). Иными словами, понимание природы экономической области формируется на пересечении трех модальных режимов.

Ключом или предпосылкой, позволяющей определить вектор или тональность каждого модального режима, его *как*, является модус (PRE), предлог или

препозиция. Именно этот модус задаёт направление или ключ для интерпретации конкретной модальности, а также позволяет нам сравнивать способы или типы соединений, характерные для того или иного модуса. Каждый раз, подступаясь к новой онтологической модальности, Латур начинает с поиска предлога (PRE), который задаёт ключ к пониманию общей смысловой настройки модуса и позволяет определить направление модальной траектории.

Категорией, тесно связанной с модусом препозиции (PRE), является категориальная ошибка. Латур говорит о двух видах возможных ошибок: об ошибках первой степени, к ним относятся ошибки чувств; и ошибках второй степени, здесь речь идёт о выборе ошибочного направления для интерпретации того или иного события. Иными словами, во втором случае происходит сбой при выборе нужного модального режима, соотносясь с логикой которого событие следует понимать. Под вопросом оказывается порядок истинности, устанавливающийся в результате определения принципов суждения, характерных для данного модуса.

Для нахождения предлога (PRE) для модуса организации (ORG) Латур задаётся следующим вопросом: что значит действовать и говорить организационно? [13, с. 389]. При этом он, как и в исследовании других модусов, предостерегает нас от неверного хода в анализе новой траектории: от обращения к «организованным существам», вместо прослеживания самого проскальзывающего организующего акта или действия. В данном случае под организующим актом понимается конкретная эмпирическая ситуация встречи двух друзей, Петра и Павла, на Лионском вокзале. Именно эта встреча в течение некоторого времени будет организовывать жизнь двух людей и определять все их действия. Латур называет этот организующий акт сценарием или циркуляцией сценариев. Траектории, прочерчиваемые такими сценариями, отличаются от иных модальных траекторий, т.к. задают свои специфические условия истинности и успешности/неуспешности бытия. Здесь показателем успешности сценария или критерием истинности будет состоявшаяся встреча двух друзей. Именно момент встречи будет означать полную реализацию сценария. Латур пишет, что процесс становления сценариев имеет прерывистый ритм и характер и, что через серию разрывов и нестыковок между ними, реализуется инобытие организующего акта. Непрерывность сценарная траектория получает только после прохождения через серию разрывов. Она выстраивается путём сложной стыковки и подгонки множества различающихся и несинхронных сценарных вариаций. Можно сказать, что именно изначальная сценарная дезорганизация порождает в итоге новую непрерывность. Ещё раз повторимся, что траектории модального режима организации (ORG) конституируются организующим актом или сценарными циркуляциями. Организации объясняются сценарными траекториями, а также способностью сценариев соединяться между собой. Именно сценарные траектории поддерживают сами организации в существовании. Сценарий, в данном случае, исполняет роль перформатива. Ключевая фраза конкретного сценария запускает ситуацию конкретного сценарного события. Траектории сценариев задают ритм, упорядочивают, визуализируют. Чтобы почувствовать непрерывность модальной траектории организации, нужно суметь оказаться внутри хаотичного потока сценариев, почувствовать его ход, циркуляцию.

Как видим, внимание к разрывам, которые слышались в определениях современного института Экономики, позволило Латуру развернуть аналитику

данного института на совершенно иных онтологических основаниях, используя логику модусов существования или циркуляцию ценностных траекторий. Работа в означенной логике дала Латуру возможность сделать улавливаемым «определённое количество тональностей или длин волн» нового эмпирического опыта, явить саму живую ткань этого опыта. Результатом проделанной работы стала трансформация сущности современной Экономической институции, понимание того, что её становление происходит на пересечении нескольких модальных режимов.

Следует сказать, что в модальной логике Латура за установление непрерывности траекторий отвечает особый модус – модус привычки (HAB). Способность чувствовать эту непрерывность, тесно связана с фигурой эксперта модального режима, для которого эта непрерывность становится очевидной благодаря его прохождению через серию разрывов. Именно навык непрерывного и осмысленного движения по заданной траектории отличает фигуру эксперта. Для непосвящённых – модальная траектория постоянно прерывается (*hiatus*), переходы от момента к моменту лишены внятной связи, действия экспертов вызывают подозрения. Возможность экспертного поведения задаётся особой чувствительностью или способностью подключаться к ценностным циркуляциям конкретного модуса. Непрерывность траекторий – результат постоянного перехода между ситуациями через разрывы. Внутренняя непрерывность траекторий, а также чувствительность экспертов к этой непрерывности, обеспечивают возможность преемственности в модусе. Таким образом, постоянные модальные трансформации позволяют говорить о возможном сохранении уникальной и непрерывной природы каждого модуса. И эта возможность обеспечивается модусом (HAB), отвечающим за преемственность. Именно модус привычки (HAB) гарантирует институциональное закрепление ценностей, а также содержит потенцию на возможные институциональные изменения под воздействием изменяющихся ценностных циркуляций.

На понятии преемственности следует остановиться подробнее. Как это ни парадоксально, но разговору о преемственности Латур предпосылает разговор о конкретных изменениях, которые являются своего рода результирующей процессов переходов и перерывов, и извлекаются из бытия-как-иного. Переходы и перерывы завершаются созданием моментов *до* и *после* конкретного события. Между *до* и *после* вставлен хиазм или разрыв, который необходимо обязательно пересечь, чтобы получить непрерывность траектории. Именно переход через конкретную прерывность позволяет получить на выходе непрерывную модальную траекторию или сформироваться привычке. Латур говорит, что особенностью всех модальных режимов является то, что они «...не архивируют свои последовательные сдвиги или переводы. Они, конечно, оставляют после себя следы; они начинаются снова, каждый использует предыдущие, но они не возвращаются назад, чтобы сохранить следы своих движений. Предшественники исчезают, как только преемники вступают в права. Вот что они делают: они передают; они указывают путь» [13, с. 369].

Из сказанного возникает вопрос, как же в таком случае возможна преемственность? Покажем это на примере модуса права (LAW): «Чтобы обеспечить преемственность, несмотря на прерывность, закон связывает друг с другом различные уровни, которые, смещаясь вовне, продолжают множиться» [13, с. 369]. Именно на закон возложена миссия присоединения и стыковки различных уровней, высказываний, действий, текстов, не вызывающая рассе-

яния систем. Закон – это вопрос о возможности пути или перехода от высказывания к высказыванию, от события к событию. Закон в правовой циркуляции – это то, что циркулирует внутри юридических переходов и позволяет в конечном итоге экспертам права усматривать непрерывность там, где другие видят только разрывы и смещения. «Хотя на самом деле нет ни реальной преемственности направлений действий, ни стабильности субъектов, закон успешно производит чудо продолжения действия, как если бы мы были соединены определёнными связями с тем, что мы говорим и что делаем. То, что вы сделали, подписали, сказали, пообещали, дали, вовлекает вас. Вот как закон умудряется сохранять следы всех способов действия, при условии, что он сохраняет как можно меньше» [13, с. 370]. Можно сказать, что в понятие закона вписана «процедурность» правового режима, включающая в себя такие события как подпись, вменение, квалификация, ответственность, вина, полномочия и др. Закон связывает персонажей с их действиями, делая первых виновными, ответственными, наделёнными полномочиями и т.п. «И это даёт нам право, – говорит Латура, – сказать, что “без закона” источник высказывания было бы просто невозможно распознать» [13, с. 370–371].

Подведём итоги. Основными концептами, которые конституируют поле множественных модальностей в АИМЕ, являются ценностные траектории и модус препозиции (PRE), задающий траекториям направление, вектор, тип колебаний и др. Полагаем, что наше предположение о том, что траектории Латура – это то, что Уайтхед называет «переходом» между событиями, имеет под собой основание: модальные траектории представляют собой вариативность связей и движений между событиями опыта, сообщают опыту непрерывность и отличаются для каждой конкретной модальности.

Рассмотрев точки влияния философии Уайтхеда на акторно-сетевую теорию Латура, мы выяснили, что из АСТ исключена потенциальная область вечных объектов. Что касается проекта АИМЕ, полагаем, что вечные объекты все же нашли в нем своё место. Это циркулирующие модальные траектории, которые обеспечивают связь и переходы в интенсивной зоне событийности. Мы помним, что в философии процесса область вечных объектов понималась Уайтхедом как процессуальная и, следовательно, как способная к изменениям. Ценностные траектории Латура также характеризуются изменчивостью и способностью к трансформациям. Можно сказать, что траектории изменений – это перспектива или горизонт для актуализаций событийности, реализация которого происходит в разных направлениях, по множественным векторам и одновременно с событиями. Помимо изменений, потенциальная область вечных объектов – это то, что сообщает устойчивость в философии процесса Уайтхеда. Латуру также нужна область, которая обеспечивала бы стабильность и преемственность ценностей, но в то же время была открыта изменениям. Поэтому он и перенимает у Уайтхеда те импульсы и характеристики потенциальности, которые характеризуют вечные объекты.

Отношение ценностных модальных траекторий с фигурой эксперта, возможность подключения эксперта к циркулирующей траектории отсылает нас к темам взаимообусловленности организмов и окружающей среды и эволюционных процессов в философии Уайтхеда.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что ценностные траектории Латура по своей природе могут быть соотнесены также и с понятием виртуального Делёза. Но это тема для отдельного исследования.

Заключение. В заключение кратко суммируем выводы, которые были сделаны в конце двух глав, посвящённых исследованию событийности и процессуальных зон перехода между событиями, и которые позволили подвести итог сравнительного анализа и выявить концептуальные зоны вхождения в эмпирический проект Латура философских идей и концептов метафизики Уайтхеда.

Прежде всего, отметим, что и в философии процесса Уайтхеда, и в эмпирических проектах Латура на первый план выходит объективность.

И у Уайтхеда, и у Латура устраняется понятие субстанции, и в зону философского интереса попадает категория события. Аналитика понятийных комплексов акторно-сетевой теории развернулась на уровне исследования процесса становления событийности. В ходе работы с концептуальным аппаратом АНТ был сделан вывод о том, что Латур, заимствуя отдельные категории и онтологические схемы из философии процесса Уайтхеда, исключил из своего проекта субстанциональную активность Бога и потенциальную область вечных объектов. Это вывело его онтологию на уровень актуальной событийности и поставило перед необходимостью поиска средств, которые смогли бы обеспечить сетям устойчивость, повторяемость и стабильность. Исключение Бога из эмпирической онтологии привело также к тому, что за процессы взаимодействия и трансформации в сетях стали отвечать сами акторы, что позволило Харману определить проект Латура как «светский окказионализм».

Понятийный аппарат АИМЕ перевёл анализ в зоны модальных траекторий и связей и переходов между событиями. На этом уровне анализа было высказано предположение о сущностном сходстве потенциальной области вечных объектов Уайтхеда и ценностных траекторий Латура и нахождении места для области потенциальности в онтологическом проекте модусов существования. Также, в качестве рабочей гипотезы, было сделано предположение, что ценностные траектории по своей природе соотносимы с категорией виртуального Делёза.

Кроме того, в ходе нашего исследования нашла подтверждение гипотеза о сопоставимости разрабатываемых в философии процесса Уайтхеда категорий «сращения» и «перехода» с понятиями актор-сеть и ценностными траекториями Латура.

Библиографический список / References

1. Столярова О. Е. Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и её конструктивистская интерпретация // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 84–103. EDN [JUGPXB](#).
Stoliarova O. E. Relational ontology of A. Whitehead and its constructivist interpretation. *Voprosy Filosofii*. 2008;(12):84–103. (In Russ.).
2. Волкова Н. А. Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // Социология власти. 2019. Т. 31, № 2. С. 92–115. DOI [10.22394/2074-0492-2019-2-92-115](#). EDN [YFHSWI](#).
Volkova N. A. The return of Latour's modes of existence to "radical empiricism": from prepositions to affordances. *Sociology of Power*. 2019;31(2):92–115. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2019-2-92-115](#).
3. Астахов С. С. Проблема контингентности в акторно-сетевой теории : дисс... канд. филос. наук : 09.00.01 / Астахов Сергей Сергеевич. Москва, 2017. 176 с. EDN [ZTDRYL](#).
Astakhov S. S. The problem of contingency in the actor-network theory: candidate degree thesis. Moscow, 2017. (In Russ.).
4. Harman G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: Re.Press; 2009. ISBN 978-0-9805440-6-0.
5. Latour B., Harman G., Erdelyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*. Winchester: Zero Books; 2011. ISBN 978-1-84694-422-2.

6. Latour B. Reassembling the social: An introduction to Actor-network theory. New York: Oxford University Press; 2005. ISBN 0-19-925604-7.
7. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии / Общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М. : Прогресс, 1990. 717 с. ISBN 5-01-001591-9.
Whitehead A. N. Selected Works on Philosophy. Ed. by M. A. Kissel. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.). ISBN 5-01-001591-9.
8. Whitehead A. N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh During the Session 1927–1928. New York: Macmillan Publishing Co.; 1929.
9. *Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко / Общ. ред. и послесл. В. А. Подороги. М. : Логос, 1997. 264 с. ISBN 5-8163-003-2.
Deleuze G. Le Pli. Leibniz et le baroque. Moscow: Logos; 1997. (In Russ.). ISBN 5-8163-003-2.
10. Федорова С. А. Актанто-ризомная онтология Б. Латура // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 249–261. DOI [10.17223/1998863X/37/25](https://doi.org/10.17223/1998863X/37/25). EDN YLECVR.
Fedorova S. A. Actant-rhizome ontology of B. Latour. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2017;(37):249–261. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/37/25](https://doi.org/10.17223/1998863X/37/25).
11. Latour B. Pandora's hope: essays on the reality of science studies. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 1999. ISBN 0-674-65335-1.
12. Whitehead A. N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh During the Session 1927–1928. Ed. by D. Griffin and D. Sherburne. New York: Macmillan Publishing Co.; 1978. ISBN 0-02-934580-4.
13. Latour B. An Inquiry into Modes of Existence. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 2013. ISBN 978-0-674-72499-0.

Поступила: 21.10.2024. Доработана: 25.11.2024. Принята: 02.12.2024.

Сведения об авторе:

Федорова Светлана Александровна, аспирант (кафедра теории и истории социологии), Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия. svetlanaun@yahoo.com
Author ID РИНЦ: 889351

S. A. Fedorova^{1*}

¹ St Petersburg University. St. Petersburg, Russia

COMPARATIVE ANALYTICS OF EMPIRICAL ONTOLOGIES OF A. N. WHITEHEAD AND B. LATOUR

Abstract. The article defines and problematizes the zones of influence of A. N. Whitehead's philosophy of the process on actor-network theory and philosophy of modes of existence of B. Latour. Analytical procedures are implemented in the empirical field and touch upon such important topics as: changing the direction of the research vector from being to flux, revealing the structure of empirical experience, understanding the processual nature of the event, defining zones of transitions between events, etc. The study is conducted consistently at two levels: the level of eventfulness and the level of value trajectories. The following thesis is put forward as a working hypothesis: two types of flux in Whitehead – “conrescence” and “transition” – are correlated with Latour's the concepts actor-network and trajectories of modes of existence. In addition, regions of conceptual differences between the two empirical ontologies are revealed. The absence of a potential area of eternal objects in the actor-network theory is the main one. Latour's elimination of eternal objects, which are of primary

* Academic coordinator – Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, Professor, St Petersburg University (St. Petersburg, Russia). ORCID: [0000-0002-7622-4022](https://orcid.org/0000-0002-7622-4022).

importance in Whitehead's philosophy, brings his ontological project to the level of actual eventfulness and confronts the need to search for means that provide networks with repeatability, sustainability and stability. Turning to Latour's late project – the philosophy of modes of existence – shows that the area of the potential, taken beyond the framework of actor-network theory, nevertheless appears in his new metaphysical project. According to the author of this article, these are value modal trajectories. In conclusion, a suggestion is made that value modal trajectories can be compared with the category of the virtual in the philosophy of J. Deleuze.

Keywords: empirical ontology, philosophy of process, actor-network theory, philosophy of modes of existence

For citation: Fedorova S. A. Comparative analytics of empirical ontologies of A. N. Whitehead and B. Latour. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):150–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.10>

Received: 21.10.2024. Corrected: 25.11.2024. Accepted: 02.12.2024.

Information about the author:

Svetlana A. Fedorova, Postgraduate Student (Department of Theory and History of Sociology), St Petersburg University. St. Petersburg, Russia. svetlanaun@yahoo.com